...Осталась ли еще надежда для Чэнь Шуан Хэ???

— Эй! Чэнь Шуан Хэ! Эй! — Нин Нин несколько раз крикнула у двери. Не только Чэнь Шуан Хэ проигнорировал ее, но люди в масках. Она так разволновалась, что начала подпрыгивать на месте.

Не имея выбора, она ответила на звонок.

— Хм, почему это ты? — раздался голос режиссера Чэня с другого конца. — Где Шуан Хэ?

Нин Нин надавила на болевший висок.

— Он сейчас занят, я попрошу его позже перезвонить.

— О, в этом нет необходимости, — рассмеялся режиссер Чэнь. — Слышал, вы были вместе... вы ходили на кладбище?

— Да, это так, — Нин Нин была человеком, который раз укусив, во второй раз скроется, поэтому она боялась, что он поднимет тему отношений, и задала вопрос первой, — Режиссер Чэнь, я слышала, что сегодня годовщина смерти вашей жены, почему вы не пришли?

— Я очень занятой человек. Я сейчас готовлюсь к следующему фильму, очень важному фильму, — когда режиссер Чэнь говорил о своей жене, его тон был таким, как будто он говорит о незнакомом человеке. — Достаточно одного Шуан Хэ. Верно, твоя мама тоже похоронена на этом кладбище. Ты навещала ее?

— Навещала, даже видела несколько маминых фанатов... — сказала Нин Нин.

— О? Расскажи, — режиссера Чэня больше интересовали фанаты, чем годовщина собственной жены. Он очень настойчиво уговаривал ее, и Нин Нин пришлось описать все происходящее. Он вздохнул, с грустью вспоминая, — Только такие старики, как мы, помнят несравненное очарование Юрен, я должен навестить ее в следующий раз...

— Вы не должны, — внезапно перебила Нин Нин, — Чэнь Шуан Хэ и... ваша жена нуждается в вас больше.

— И что? — честно ответил режиссер Чэнь, — Они мне не нужны.

Нин Нин замолчала, она не знала, как ответить. Режиссер Чэнь, напротив, продолжал разговор:

— Тогда съездим в эти выходные. Когда я закончу с делами, у меня будет ровно один день, чтобы навестить твою маму. Не хочешь поехать со мной? Скажешь ей, что будешь играть Призрака. Ах, как я мог забыть? Я должен лично сказать ей, что несмотря ни на что...

— Я... я занята в этот день, — Нин Нин отказала режиссеру Чэну. С самого начала и до конца режиссер Чэнь говорил о маме. Его совершенно не волновал Чэнь Шуан Хэ, а тем более покойная жена. Нин Нин чувствовала себя до странности неловко. Она также поняла, почему в прошлом мама держалась на расстоянии от режиссера Чэня – вне работы она не общалась с ним.

Безответная любовь иногда страшнее безответной ненависти.

Завершив звонок, Нин Нин некоторое время смотрела на вход. Неожиданно Нин Нин стиснула зубы, крепко сжала билет в руке, набралась смелости и вошла.

Привратника сегодня не было, некому было помешать Чэнь Шуан Хэ войти, но и ей никто не мешал.

Кроваво-красный постер у входа и собственный опыт, когда она почти пробралась внутрь, заставили ноги Нин Нин немного подкоситься. Она уже провела всевозможную подготовку, но никак не ожидала, что кинотеатр Жизни будет выглядеть именно так.

— Хлоп!

Прогремел слабый выстрел, в воздух полетели разноцветные ленты.

Салют был произведен со зрительского места. Сиденья, ранее представлявшие собой обломки, уже вернулись в первоначальное состояние. Резные деревянные стулья выстроились в аккуратный ряд. Места были заполнены – маски Придворной Дамы, Плачущего Старца, Обезьяны… люди в масках заполонили все места.

Несколько человек в масках все еще ходили между зрительскими местами. Они держали в руках либо напитки, либо закуски и кричали:

— Горячие напитки, холодные напитки, жареная кукуруза!

— Дайте чашку горячего кофе!

— Этот старик хочет чашку горячего чая.

— Апельсиновый сок с большим количеством льда.

— Я хочу жареной кукурузы! Два початка!

Маски полностью закрывали лица, рты даже не показывались, как же они будут есть? Нет, им не требовалась еда, они просто хотели насладиться атмосферой. Танцевать в экстазе!

Чувства зашкаливали!

С грохотом на большом экране вспыхнуло кроваво-красное слово: <<Проникновение>>.

В главных ролях: Чэнь Шуан Хэ.

Увидев имя, сердце Нин Нин заколотилось. Она пробормотала:

— Не слишком ли поздно…

Но сразу же внизу экрана появилось слово: «Палач».

— Я! — человек в маске поднял руку.

— Я! Я! Я!

Бесчисленное количество рук поднялось со зрительских мест.

Нин Нин просто не осмелилась приблизиться. Она стояла у ближайшего к входу сиденья и

смотрела на лес поднятых рук, похожих на стаю рыб, гоняющихся за наживкой.

— Они не знают Чэнь Шуан Хэ и не держат на него зла, — раздался мужской голос. Нин Нин повернула голову и увидела Ши Чжун Тана, который стоял рядом с ней уже неизвестно сколько времени. Он посмотрел на стаю рыб и сказал, — Они с желанием вызвались участвовать потому, что это... единственное наше развлечение – людей в масках.

— Развлечение? — Нин Нин посмотрела на него.

— Да, «Ночь разгула», — Ши Чжун Тан повернулся и улыбнулся ей, — Сегодня каждый человек в маске является зрителем и также может стать актером.

Внезапно со зрительского места встал мужчина и холодно сказал:

— Я.

Проникновенный голос пронесся по всему кинотеатру, как снежная метель. Ближайшая к нему рука отдернулась, за ней вторая, третья, четвертая... каждая поднятая рука опускалась, подобно волне.

Наконец, с потолка на мужчину упал луч света.

Белый халат, черный пояс на талии, белоснежная маска на лице... это был Босс Цюй.

Когда остальные участники сдались, его имя быстро появилось на экране.

Палач: Босс Цюй.

Почти в то же мгновение, как появилось его имя, под словом «палач» появилось еще одно слово: «Спаситель».

Ледяной взгляд Босса Цюй окинул зрителей, и среди них воцарилась оглушительная тишина.

Насколько они были воодушевлены, настолько же они оказались спокойны.

— Мы согласны, — сказал человек в маске.

— Верно. Давайте скорее начнем, я больше не могу ждать. Последний раз, когда кто-то проникал, был в 1991 или 1992 году.

— А, должно быть, та женщина, я ее помню.

— Почему ты всегда упоминаешь ее? Быстрее! Быстрее! Я больше не могу ждать, я хочу посмотреть новый фильм!

С треском, тот же луч света засиял с потолка на соседа Нин Нин....

Ши Чжун Тан лениво поднял руку, его нефритовая маска отражала белый свет.

Все люди в масках затаили дыхание. В театре стояла тишина, бесчисленные глаза смотрели из-за масок, некоторые с насмешкой, некоторые с недоумением, некоторые с безразличием, некоторые с сожалением... Самая холодная пара глаз принадлежала Боссу Цюй.

— Вы боролись за роль палача, тогда я единственный, кто может быть спасителем, —

ухмыляясь, сказал Ши Чжун Тан, — В конце концов, было бы неинтересно, если бы в кино действовал только антагонист. В фильмах присутствует добро и зло, справедливость и бесчестность, победитель и проигравший, интересно только тогда, когда есть победитель и проигравший... Нин Нин, не это ли ты хотела сказать?

Он положил руку на плечо Нин Нин и приблизился к ней, как любовник, и прошептал ей на ухо.

Нин Нин слегка удивилась тому, что он сказал...

— Иди сюда, — Босс Цюй, казалось, не осознавал, что тот делает. Он холодно сказал, — И стань спасителем!

— Ах, иду-иду, — Ши Чжун Тан похлопал Нин Нин по плечу, а затем подошел к большому экрану.

Палач: Босс Цюй.

Спаситель: Ши Чжун Тан.

И палач, и спаситель вернулись в свои деревянные резные кресла. Луч белого света следовал за ними, куда бы они ни пошли, выделяя их среди остальных людей в масках. Как только заиграла музыкальная тема, оба схватились за подлокотники кресел, невооруженным глазом было видно, что они стали прозрачными.

Все песни из предыдущих фильмов исполнялись главным героем, но в этот раз все было иначе.

Может быть, это связано с тем, что Чэнь Шуан Хэ не был человеком в маске, поэтому за него пел кто-то другой?

— Входите с билетом, уходите без билета, — это был голос подростка, нет, юноши, старика, мальчика... Нин Нин покачала головой, что с ней такое, почему она не могла определить возраст поющего?

Это был очень странный голос. В один момент пел подросток, в другой - юноша, затем старик, даже эмоции в голосе менялись. В один момент голос становился счастливым, в другой - сердитым, затем грустным. Наконец, он запел чрезвычайно радостным голосом:

— Вход без билета также допустим, ставьте на кон свою жизнь и громко воспойте в Ночь Разгула!!!

— Ночь Разгула!!!

— О! О! О! О!

— Начинается, начинается!

Люди в масках повскакивали со зрительских мест. Трепещущие фигуры, неистовый смех и подавленные эмоции, близкие к безумию, покрыли спину Нин Нин потом.

— Подойди сюда, — молодая девушка в маске придворной дамы неожиданно потянула Нин Нин за руку.

Она подвела Нин Нин к свободному месту, приветливая и дружелюбная, только в глазах

читалось взбудораженность, отчего они походили на два закручивающихся водоворота, вызывая у людей мурашки. Она улыбнулась и сказала:

— Это близко к экрану, ты все хорошо увидишь.

Нин Нин посмотрела на экран поверх ее плеча.

Это был первый раз, когда она смотрела фильм в качестве зрителя.

Изображение расплывалось. Раздался женский голос, он звучал близко и одновременно далеко, как плавающая медуза, как непрекращающаяся болтовня возле ушей.

— Одаренный, успешный в любом деле, у тебя есть все, что можно пожелать… Другими словами, по сравнению со смертной мной ты совершенно другой вид.

Нин Нин воскликнула. Голос из ее уст звучал точно так же, как и голос на экране. Это был ее голос, это то, что она говорила Чэнь Шуан Хэ.

— Смертный всегда желает повернуть время вспять, чтобы исправить свои ошибки. А как насчет тебя? Ты бы захотел вернуться в прошлое?

Пара глаз резко открылась, размытое изображение вдруг стало четким.

— Что происходит? Почему она мне приснилась… — тихо простонал Чэнь Шуан Хэ. Он сел на кровати и оглядел комнату, прежде чем впал в оцепенение. Сбросив одеяло, он спрыгнул с кровати и подбежал к зеркалу.

В зеркале отражался подросток.

Ему было около четырнадцати лет. С высоким и стройным телом, и поразительно красивой внешностью – как у прелестного юноши на берегу озера в греческой мифологии, которого любили озерные феи.

— Это я, — Чэнь Шуан Хэ коснулся своего лица, и красавец в зеркале отразил его действия. Он пробормотал, — Я вернулся в прошлое.

— Верно, ты вернулся в прошлое, — раздался мужской голос позади него.

Чэнь Шуан Хэ испытал сильный шок. Однако он не обернулся, его взгляд был прикован к зеркалу.

Позади него стоял мужчина, почти на голову выше его. Поза, с которой он взирал на Чэнь Шуан Хэ, нефритовая маска, уголки глаз великолепного персикового цвета – даже без улыбки он выглядел очаровательно.

http://tl.rulate.ru/book/52113/2918537